

НОВГОРОДСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ XVII в.

До конца XV в. языковые связи Русского государства носили явно односторонний характер. В Новгород и Москву для изучения русского языка приезжали немцы, датчане, голландцы и поляки. В конце столетия русские начинают овладевать иностранными языками: греческим, латинским, немецким. В их числе были новгородцы Герасим Поповка и его младший брат, известный переводчик и дипломат Дмитрий Герасимов, изучавшие немецкий язык и латынь в Ливонии. В Ростке учился новгородец Сильвестр Малый. В конце XV в. при дворе новгородского архиепископа Геннадия началась переводческая деятельность дипломата и переводчика Власа Игнатов (Игнатьева), переведившего с латыни и немецкого языка.¹

Изучение иностранных языков в Новгороде стимулировалось его торговыми контактами с Западной Европой. Их география определяла приоритет шведского, немецкого и эстонского языков, на которых говорили торговые маклеры при церкви Св. Николая в Новгороде.²

Важную роль играл также внешнеполитический фактор. Со времени включения Новгорода в состав Московского централизованного государства стоявшие во главе его управления наместники сохраняли за собой внешнеполитические функции, унаследованные от Новгородской республики, — право непосредственных сношений с Ливонией и Швецией.³ Как отметила Н. А. Казакова, «анализ формул договоров Новгорода с Ливонией и Ганзой конца XV—перв. пол. XVI вв. показывает, что хотя договоры заключались „по велению“ государя всея Руси и Новгород назывался его „отчиной“, тем не менее формуляр договоров рисует Новгород как до некоторой степени обособленную политическую единицу, обладавшую известной самостоятельностью в сфере внешних сношений».⁴

В XVI в. «рабочим» иностранным языком в Новгороде был немецкий. Переводчиков со шведского языка, по всей вероятности, еще не было.⁵ Побывавший в Новгороде в 1569 г. в составе шведского посольства финляндский епископ Павел Юстен свидетельствовал о том, что переговоры с новгородским наместником велись через секретаря и переводчика посольства Матиаса Шуберта. Новгород-

¹ *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 227—228; *Некрасов Г. А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв. М., 1993. С. 32; *Словарь книжников и книжности Древней Руси второй половины XIV—XVI вв.* Л., 1988. Ч. 1. С. 140—141. 195—196.

² *Кляйненберг И. Э.* Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. // *Известия АН ЭССР.* Таллин, 1962. № 3. С. 255.

³ *Шаскольский И. П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // *ВИД.* 1972. Т. IV. С. 220.

⁴ *Казакова Н. А.* О положении Новгорода в составе Российского государства в конце XV—первой половине XVI в. // *Россия на путях централизации.* М., 1982. С. 158.

⁵ В Посольском приказе переводчики шведского языка появились, возможно, только в последней трети XVI в. Во всяком случае в его штате 1548—1550 гг. они не числились (*Граля И. Иван Михайлович Висковатый.* М., 1994. С. 463) и на переговорах со шведами пользовались, как правило, немецким языком.

ские же власти пользовались услугами немецкого толмача.⁶ В источниках XVI в. сохранилось имя одного из новгородских толмачей — Степана Симонова сына Керклина.⁷ Неизвестно, однако, на каком языке он «толмачил».

Источники XVII в. позволяют установить имена некоторых новгородских толмачей и переводчиков со шведского и немецкого языков. Они появляются в Новгороде в начале XVII в., во время шведского военного присутствия в России.

Арн Бук (*Agendt Vosk*) — шведский толмач, сын ротмистра, закончил русскую школу в Нарве. В 1609 г. стал переводчиком при полевой канцелярии Я. Делагарди, вместе с другим переводчиком, Хансом Бракелем (Анцы Брякилевым), участвовал в Дедеринских переговорах. Новгородские дворяне Я. Боборыкин и Б. Дубровский, придерживавшиеся московской ориентации, «проводывали у переводчика Арна Бука, на чем шведские послы хотят миритца», и передавали полученную от него секретную информацию русской стороне. Они поручили ему выкрасть у шведов грамоту В. Шуйского о передаче им Корелы с уездом, однако о его деятельности от перебежчика Михаила Клементьева узнали шведы. В феврале 1616 г. он бежал и поступил на русскую службу. О дальнейшей судьбе его известно лишь то, что в 1619—1621 гг. он был переводчиком с немецкого, шведского и датского языков в Посольском приказе.⁸

Ганс Флерих, немец по происхождению, служил в России на военной службе и при дворе великого князя. При Б. Годунове за незаконное владение кабаком был бит плетьюми и сослан в Казань. При В. Шуйском вернулся в Москву, служил переводчиком у М. В. Скопина-Шуйского, потом был послан в Корелу, где по причинам материального характера перешел на службу к шведам. Перевел на немецкий язык многие важные документы периода шведской оккупации, в том числе договор 25.07.1611, участвовал в переговорах с новгородским посольством в Стокгольме в 1612 г. и в Выборгских переговорах в 1613 г. Там он передал архимандриту Киприану переведенный им на русский язык Малый Катехизис Лютера. По всей вероятности, это было сделано для того, чтобы повлиять на позицию новгородцев, настаивавших на переходе герцога Филиппа в православие. Ознакомившись с переводом, Киприан рекомендовал ему перевести на русский язык также церковный литургический и юридический уставы и евангельские чтения.

В 1612 г. Ганс Флерих был зачислен в штат переводчиков Королевской канцелярии, ему был дан поместный и денежный оклад в 400 талеров в год, который, впрочем, он получал крайне нерегулярно. В 1615 г. Флерих был переводчиком при Густаве II Адольфе, возглавлявшем осаду Пскова. По возвращении в Швецию он воз-

⁶ *Juusten P. Iivana Julma ja rauhanneuvottelijat // Mikkola J. J. Lännen ja Idän Raajoilta. Porvoo, 1942. S. 138, 142.*

⁷ Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 383.

⁸ *Tarkiainen K. Venäjätulkkit ja slavistikan harrastus Ruostin valtakunnassa vv. 1595—1661 // Historiallinen Arkisto. 1969. T. 64. S. 70—71; Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621. М., 1983. С. 147, 163, 191, 202, 206, 207, 210, 214, 216; Залыгин Г. А. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI—начале XVII в. Рукопись. 1952 // Архив КНЦ РАН. Ф. I. Оп. 41. № 29. Л. 105.*

главлял отдел переводчиков с русского языка, специализировался на переводе официальных документов и принимал участие в подготовке печатных изданий на русском языке, предназначенных для православного населения отошедшего к Швеции Корельского уезда.⁹

В походной канцелярии Я. Делагарди служили Эрик Андерссон (Ирик Андреев), Еран Бойе. На шведской службе в 1609—1617 гг. состоял уроженец Москвы Ганс Бракель (Hans Brakel, Анцы Брякилев). Он выполнял функции переводчика и секретаря при Я. Делагарди в 1609—1617 гг. и участвовал в Дедеринских и Столбовских переговорах.¹⁰

Новгородское посольство 1612 г. в Швецию сопровождал переводчик Петр Романов.¹¹ С новгородской делегацией на переговоры в Выборг в 1613 г. «для толмачества» ездил Иван Захарьев сын Баранов.¹²

Знали шведский язык также жители Корелы толмач Тимофей Кирилов (Киров) и посадский человек Тимофей Хахин, имевший торговые дела со шведами и сотрудничавший со шведскими властями. После захвата Новгорода шведами он выполняет разные поручения Делагарди. Известно также, что по приказу Э. Горна он вывез из Новгорода в Ладогу «мастериц дворянских жен и дочерей», вероятно, с целью распространения ремесел (например, кружевного) в других местах.¹³

Несмотря на то что Столбовский договор затормозил развитие русской внешней торговли, он оказал положительное влияние на развитие прямой торговли России со Швецией, центром которой стал Новгород. Через него в XVII в. шел основной поток товаров «за свейский рубеж» и в обратном направлении. Это привело к увеличению спроса на услуги переводчиков. В XVII в. в Новгородской приказной палате работал целый штат переводчиков и толмачей.

Андрей Петров — ездил с посольством Ф. П. Борятинского в Швецию в 1617—1618 гг., в 1624 г. жил в Новгороде. О нем известно, что он «по-свески говорит и грамоту свейскую знает, а на русский язык свейской грамоты и по-русски розсказати без толмача не умеет».¹⁴

Ермей Еремеев — немецкий переводчик в Новгороде в 1624 г.¹⁵

Тимофей Фанемин (фон Немен) ездил в Швецию в 1617—1618 гг. с посольством Ф. Борятинского, в 1620 г. — переводчик Новгородской приказной палаты.¹⁶

Ефим Фентуров — переводчик шведского языка Новгородской приказной палаты в 1630-е годы, в 1656 г. ездил в Стокгольм со

⁹ *Sjöberg A.* Nans Flörich och Isak Torcakov, två «svenska» rusister i början av 1600-talet // *Äldre svensk slavistik.* Uppsala, 1984. S. 23—25; *Tarkiainen K.* Venäjätulkkit ja slavistikan harrastus... S. 80—81.

¹⁰ *Tarkiainen K.* Venäjätulkkit ja slavistikan harrastus... S. 79.

¹¹ *Байтыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1902. Т. IV. С. 144—145; *Некрасов Г. А.* Тысяча лет... С. 57.

¹² *Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московское государство начала XVII в. Молотов, 1942. Рукопись. РГБ. Д. 48/104. Очерк 2. С. 48.

¹³ *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 270; *Опись Архива Посольского приказа 1626 года.* М., 1977. С. 355; *Замятин Г. А.* Очерки... С. 91—92.

¹⁴ *Якубов К. И.* Россия и Швеция... С. 35, 41, 272—273; *Некрасов Г. А.* Тысяча лет... С. 57.

¹⁵ *Якубов К. И.* Россия и Швеция... С. 272—273.

¹⁶ *РШЭО.* С. 30, 31, 36; *Опись Архива Посольского приказа 1626 года.* С. 302, 397.

стольником Н. М. Алфимовым, переводил печатные листы для Посольского приказа.¹⁷

Михаил Розитин — переводчик в Новгороде в 1648—1651 гг.¹⁸

Андрей Иванов — переводчик Новгородской приказной палаты в 1649 г.¹⁹

Михаил Корнильев — новгородский переводчик, в 1650 г. переводил в земской избе немецкие письма, изъятые восставшими новгородцами у датского посланника И. Краббе.²⁰

Михаил Сахарников — один из самых опытных и квалифицированных новгородских переводчиков 1640—1650-х годов. Участвовал в межевых съездах русских и шведских представителей и торговых переговорах. Вместе с Андреем Ивановым он разоблачил шведского подданного ямгородца Костю Ларионова Кока, который по заданию шведского правительства собирал сведения о «корельских выходцах», т. е. о жителях отошедшего к Швеции в 1617 г. Корельского уезда, перебежавших в Россию. Известно также, что он переводил вестовые письма, тетради и листы, поступавшие в Новгород из Швеции, на основании которых в Посольском приказе составляли «Куранты» — специальный обзор международной информации.

Во время новгородского восстания 1650 г. восставшие хотели разграбить его двор, но он вместе с женой отбил их нападение пышальным огнем. За это они хотели казнить его, но один из руководителей восстания Иван Жеглов «убить его не дал, а сказал, что он человек надобный, без него немецких писем переводить будет некому». Речь шла о письмах, перехваченных восставшими у датского дипломата Иверта Краббе. Их перевод расценили впоследствии как пособничество восставшим, за что вначале было велено бить его кнутом, но потом московские власти сочли возможным «переводчика Михайла Сахарникова освободить на поруки для того, что он немецкое письмо переводил поневоле».²¹

Лазарь Циммерман — переводчик Новгородской приказной палаты в 1663 г.²²

Илья (Яков) Бюттнер (Гитнер, Гинтер, Гюттнер, Гивнер?) — выходец из Померании, переводчик Новгородской приказной палаты в 1680-е годы. Встречавшийся с ним в 1684 г. в Новгороде Спарвенфельд писал о нем в своем дневнике, что он бежал в Новгород из Швеции, где предložил свои услуги царю, и характеризовал его как изменника, лгуна и честолюбца.²³

¹⁷ РШЭО. С. 84; Некрасов Г. А. Тысяча лет... С. 58; Вести-куранты. 1648—1650. М., 1983. С. 85, 92.

¹⁸ Некрасов Г. А. Тысяча лет... С. 58; Арсеньевские бумаги // Сб. НОЛД. VII. Новгород. 1914. С. 20, 24.

¹⁹ Якубов К. И. Россия и Швеция... С. 396; ЭСРШ. С. 96.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1650. Л. 208.

²¹ РШЭО. С. 193; ЭСРШ. С. 96; Вести-куранты. 1642—1644. М., 1976. С. 193; 1648—1650. М., 1983. С. 99, 208; Якубов К. И. Россия и Швеция... С. 393—397; Некрасов Г. А. Тысяча лет... С. 57—58; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1650. № 3. Л. 136, 479, 659, 674, 683, 692.

²² РШЭО. С. 224; ЭСРШ. С. 117.

²³ ЭСРШ. С. 165; Шлейсцингер Г. А. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 107; Бирегорд У. Новгородские страницы дневника Ю. Г. Спарвенфельда // НИС. 6 (16). СПб., 1997. С. 208; Некрасов Г. А. Тысяча лет... С. 58.

Переводчики были не последними фигурами воеводской администрации в Новгороде. В 1585 г., когда встал вопрос о том, чтобы новгородский толмач сопровождал шведского гонца Ганса Страсберга в Москву, из Москвы в Новгород пришло распоряжение: «А буде немчин Анц по руски умеет и ехать без толмача мочно, и ему толмача из Новгорода не имати».²⁴ Когда в 1624 г. из Москвы пришло распоряжение отправить одного переводчика на пограничные переговоры со шведами, из воеводской канцелярии ответили, что «в Новгороде без одново переводчика без Еремея быти нельзя».²⁵ В 1648 г. шведский гонец Андрес Фрас жаловался думному дьяку М. Ю. Волошенинову на то, что переводчик Михаил Розитин в Новгороде его «киспозорил и бранил ... и грозил на его, что его не отпустит ни с места, пока он грамоты свои не покажет».²⁶

Торговые связи со Швецией были выгодны для местного купечества. На них выросло много крупнейших торговых династий Новгорода. Знание шведского языка было для них одним из условий коммерческого успеха. Только в 1648—1683 гг. в Швецию ездило более 100 новгородских торговых людей.²⁷ Торговавшие со Швецией новгородцы годами держали лавки в Стокгольме, заводили связи в шведском обществе и в какой-то степени умели говорить («толмачить») на шведском языке. Некоторые из них знали язык довольно хорошо, так что при заключении торговых сделок в Швеции не только сами могли обходиться без помощи шведских переводчиков, но и оказывали помощь в этом своим соотечественникам, что позволяло им не прибегать к услугам официальных толмачей, работавших на Русском гостинином дворе в Стокгольме. Это приносило весьма ощутимую экономию, так как в соответствии с инструкцией магистрата 1654 г. плата за услуги толмачей составляла 3% от стоимости торговой сделки, и шведские власти старались навязать их посредничество в торговых операциях.²⁸

Одним из таких торговых людей был Максим Воскобойников, знавший язык и местные условия, имевший связи среди шведских купцов: «Ездит он для своего промыслу в Стекольну по всея годы и языку по свейски умеет и многие ему торговые люди свееяне знакомы».²⁹ По поручению правительства он ездил в Швецию для изучения условий торговли и размеров таможенных пошлин и участвовал в качестве эксперта в русско-шведских переговорах.

Примером активного усвоения шведского языка является русско-шведский словарь-разговорник, составленный в конце XVII в. новгородскими купцом Никифором Тимофеевым сыном Кошкиным. Интересно, что кроме бытовой лексики в нем встречаются такие слова, как *смерть*, *грех*, *дьявол*, *геенский огонь*, *ад*.³⁰ Очевидно,

²⁴ Сб. РИО. Т. 129. С. 383.

²⁵ Якубов К. И. Россия и Швеция... С. 273.

²⁶ Там же. С. 399.

²⁷ Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 47.

²⁸ Там же. С. 121—122.

²⁹ РШЗО. С. 150.

³⁰ Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 219.

новгородским купцам в Швеции приходилось беседовать и на религиозные темы. Торговые поездки новгородцев в Швецию делали их более податливыми к европейской культуре, способствовали культурному сближению двух народов.³¹

Известно, что по распоряжению из Москвы новгородские власти посылали на шведскую территорию купцов «для проводывания вестей», т. е. для сбора военно-политической информации. В июне 1650 г. с проезжей грамотой для торговли в Ивангород и Нарву был отправлен торговый человек Никита Тетерин. Вернувшись в Новгород, он сообщил о военных приготовлениях на границе: «Слышал от торговых людей, что из Ниеншанца в Орешек привезли сто бочек зелья, да триста мушкетов, да триста шпаг, да триста заступов железных, да ядра железные, да пять пушкарей, а шестой над ними начальник. А был тот начальней человек в Цесарской и в Испанской и в других землях в бою». Еще Тетерин сказал, что между Выборгом и Або «стоят два приказа солдат числом 1200, а начальник над ними Нильс Ассерсон, а до тех мест он был в бою с ратными людьми против датского короля». В Ниеншанце шведский генерал расспрашивал его о событиях в Пскове, но Никита сказал ему, что он человек неслуживый, торговый, в Пскове не был и о псковских событиях ничего не знает.³² В 1653 г. купец Иван Микляев, вернувшийся в Новгород из Стокгольма, сообщил, что королева Кристина уехала со своим двором в Уппсалу, «а для чего выехала, не ведает».³³

Новгородские купцы направлялись за границу не только для сбора информации. В 1651—1652 гг. Петр Микляев и Максим Воскобойников выполняли в Швеции и Германии специальное поручение правительства. С их помощью был задержан и доставлен в Москву беглый подьячий Тимофей Анкидинов (Акудинов), выдававший себя за сына или внука Василия Шуйского и доставивший много беспокорства царю.³⁴

Вряд ли собрать такую информацию и выполнять такие поручения могли люди, совсем не знавшие шведского или немецкого языка.

Число русских людей, знавших шведский язык, в XVII в. было довольно значительным. По мнению Г. А. Некрасова, речь идет «о сотнях лиц, понимавших по-шведски».³⁵ Можно с уверенностью говорить о том, что среди них было два-три десятка новгородцев. Вторым «рабочим» языком в Новгороде был широко распространенный в Швеции и ее балтийских провинциях немецкий язык. Известно, что он был основным «рабочим» языком на Выборгских переговорах 1613 г. В тексте записных книжек купцов Кошкиных наряду со шведскими встречаются и немецкие слова.³⁶

³¹ Там же. С. 194.

³² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1650. Л. 776.

³³ Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XV—XVII вв. Вологда. 1989. С. 81.

³⁴ См.: Соловьев С. В. Материалы северной истории: Тимошка Анкидинов // Финский вестник. 1847. № 2. С. 13—17.

³⁵ Некрасов Г. А. Тысяча лет... С. 56.

³⁶ Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных. С. 194.

Уровень профессиональной подготовки переводчиков в целом был недостаточно высок и не всегда соответствовал характеру выполняемых ими поручений.³⁷ Это было обусловлено прежде всего тем, что в России в XVII в. не велась их систематическая подготовка, как это было в Швеции.

³⁷ Так, например, в 1649 г. Ефим Фентуров не смог перевести на русский язык «печатную тетрадь немецкого письма» и ее пришлось отправить в Посольский приказ (Вести-куранты. 1648—1650. М., 1983. С. 85—86).